

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОСОФИЯ

Кацапова И.А.

Общественно-исторические смыслы в контексте глобалистской картины мира

ИФ РАН
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-11-2022-208

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации социально-исторических смыслов в контексте глобалистской идеологии формирования «нового мирового порядка». Обосновывается проблема системного социального кризиса, связанного с активным воздействием глобализации на общественно-исторические формы развития обществ, государств. Рассматривается проблема воздействия глобализации на национальные государства и, соответственно, правовые системы. Анализируются проблемы, связанные с процессами интеграции и модернизации национальных обществ в единое транснациональное пространство. Акцентируется внимание на том, что проблема национально-культурной идентичности и самосознания в условиях стремительного развертывания процессов глобализации приобретают новую значимость. Их актуальность дополняется новыми смыслами и познавательными императивами. Подчеркивается, что основной тенденцией нашего времени является трансформация традиционного общества в цифровое, основной тенденцией которого является проблема превращения человека из социального субъекта общественных отношений в объект жесткого управления. В рамках социальных трансформаций раскрывается значение, осуществляемого социальным субъектом, выбора альтернативного развития социальных процессов.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, модернизация, идентичность, национальная культура, человек, социальный субъект, общество, государство.

Abstract

The article deals with the problem of the transformation of socio-historical meanings in the context of the globalist ideology of the formation of the "new world order". The problem of a systemic social crisis associated with the active impact of globalization on the socio-historical forms of development of societies and states is substantiated. The problem of the impact of globalization on nation-states and, accordingly, legal systems is considered. The problems associated with the processes of integration and modernization of national societies into a single transnational space are analyzed. Attention is focused on the fact that the problem of national-cultural identity and self-consciousness in the context of the rapid deployment of globalization processes acquire new significance. Their relevance is complemented by new meanings and cognitive imperatives. It is emphasized that the main trend of our time is the transformation of a traditional society into a digital one, the main trend of which is the problem of turning a person from a social subject of public relations into an object of strict control. Within the framework of social transformations, the significance of the choice of alternative development of social processes, carried out by a social subject, is revealed.

Keywords: globalization, integration, modernization, identity, national culture, person, social subject, society, state.

Глобализация воспринималась прогрессивно мыслящими интеллектуалами с оптимизмом, как «естественно-историческая реальность», как попытка создания «нового мирового порядка», которому нет альтернатив. И не важно, что оставались, впрочем, и до сих пор остаются спорными и неопределенными вопросы о самом понятии «глобализация» и о порождаемых этим процессом проблемах. Оптимисты ориентировались на то, что – это

путь к новым возможностям, и что глобализации сопутствует вектор положительной динамики исторического развития. Анализ современного этапа глобализации раскрывает, по сути, то, что активное воздействие глобализации на общественно-исторические формы развития обществ, государств, породил системный социально-политический кризис в мировом масштабе, создав проблему резкого обострения международных отношений, а также проблему радикального обновления социальных и культурных смыслов. Кризис в международных отношениях, которые, преодолевая рамки национальной замкнутости, выстраивались на основе таких понятий как универсальность и мировое господство, поставил под удар привычные для современного человека понятия: «взаимосвязи народов», «солидарность», объединяющая человечество в единое политическое и культурное пространство. Под сомнение ставится не только важность международных отношений во всех областях жизни, но и необходимость международного сотрудничества, выражающаяся в заботе о сосуществовании наций, народностей, этносов.

Теоретически идеология глобализации мыслилась как процесс формирования взаимозависимого мира, единых политико-правовых и информационных пространств, а также как появление единого экономического пространства. Многие теоретики глобализации настаивали и, собственно, продолжают настаивать на том, что экономические и финансовые системы являются для современного мира наиболее важными. Поэтому в контексте интенсивного роста экономики на международном уровне региональные интересы должны не просто включаться в мировое взаимодействие, как это было раньше, а практически должны вписываться в конкурентную борьбу, ориентируясь на мировую экономическую и финансовую конъюнктуру. Условия конкурентной борьбы при этом одинаково распространяются на всех участников, независимо от уровня развития стран, независимо от того, что в их числе есть и слабые страны, которые не входят в т.н. «золотой миллиард». Последствия такой конкуренции очевидны, они могут и приводят к разорению не только бизнеса, но и к снижению уровня жизни населения и др. Несмотря на условия такого рода, идеологи либеральной модели глобализации стремятся, с позиций защиты принципов «экономического роста» и «процветания», оправдать возникающие «риски» и «издержки». Однако, стоит ли принимать в целом такого рода проекты без глубокого анализа всех его альтернатив.

Анализируя методологические основы глобализации, отечественный политолог А.С. Панарин, стоявший у истоков формирования идеи глобализации в России, пытался развенчать «оптимистическо-апологетический фатализм» авангардистов глобализации в их представлении о характере этого процесса в качестве объективного, закономерного и безальтернативного для развития национальных государств [8, С. 147]. Именно сейчас стало очевидно насколько он оказался прав. Основной мотив идеологического кризиса глобализации Панарин связывал с «особым разрывом типов социального времени, характерных для элит, с одной стороны, туземных масс – с другой» [8, там же]. Конечно, рассматривал он такого типа отношения более локально, в основном ориентируясь на последствия процесса глобализации для России. Политолог считал, что «элиты и массы входят в глобальный мир с неодинаковой скоростью»: чем «больше пространство элит глобализируется, делаясь особо открытым и мобильным», тем больше «пространство масс локализуется, сегментируется, «натурализируется», неожиданно удаляясь от модерна к архаике...» [8, там же].

В процессе современной глобализации идейным мотивом является то, что это процесс интеграции всех стран и народов в мировое сообщество, который мыслился основополагающим принципом глобализации. Мировое сообщество, согласно проектам идеологов глобалистики, представляло собой универсализацию мирового пространства, а, по сути, стратегия сориентирована была на универсализацию культурного взаимодействия, и, соответственно, на подмену системы сложившихся универсальных ценностей ценностями одной культуры. В общем плане процессы вовлечения национальных культур в качественно новое мировое единство, имеющее свои собственные, качественно специфические принципы

функционирования, которое по самой своей природе является транснациональным и, соответственно, лежит вне границ отдельных государств, наций, цивилизаций. Это новое мировое единство не оформлено мировым государством или правительством, но проявляется в культурных, социальных, экономических, политических, гражданских и прочих процессах, затрагивающих интересы всего человечества [3, С. 35]. По сути, это т.н. глобальный «транснациональный модерн», который оставляет позади некоторые свои классические формы и свойства, и социальность становится важным измерением его природы. Транснациональность модерна «предполагает вовлечение национальных государств, носителей этих государств-наций и национальных культур в новое мировое единство, где они, по-новому взаимодействуя, получают новые стимулы, импульсы и факторы развития» [7, С.3 308].

Все это резко обострило проблему национально-культурной идентичности, которая непосредственно вписана в определение национальной идеи как таковой, и которая соотносится, прежде всего, с проблемой самосознания как индивидуального, так и национального. Национальная идентичность не отрицает субнациональной идентичности национальной идеи, поскольку предполагает «самоидентификацию с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом» [6, С. 79]. Совершенно определено, что любая национальная культура предполагает свою идентичность, т.е. культура любого народа всегда специфична и особенна – от национального характера до национального мировоззрения, что, по сути, составляет ее национальное своеобразие. Идентичность нации, по мнению немецкого философа и социолога К. Хюбнера, является «столь же необходимым практическим постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [14, С. 292]. Культура народа, или национальная культура, предполагает свою идентичность, но между тем, она существует параллельно с общечеловеческой культурой, которая, в свою очередь, оказывает на нее опосредованное влияние.

На самом деле, процесс глобальной интеграции стал процессом национальной дезинтеграции. Понятие интеграции представляет собой процесс расширения национального горизонта, предоставляя замкнувшимся в себе культурам, возможность раскрыться не только внутренне, но и внешне открыться для других культур. Например, немецкий социолог, Ю. Хабермас видел позитивный результат интеграции в том, что она затрагивает прежде всего мощь самой национальной культуры, которая становится более многогранной как во внутреннем, так и во внешнем измерении. Интеграция, согласно Хабермасу, касается только старейших национальных государств, которые «реагируют на проблемы интеграции с гораздо большей чувствительностью, чем такие общества переселенцев как США или Австралия» [13, С.76]. Социолог также считал, что в отличие от Соединенных Штатов Америки – Соединенных Штатов Европы быть не может, «потому что этому образованию недостает фундамента в виде одного европейского народа» [13, С. 75]. Другой тезис Хабермас связывает с проблемой интеграции, которая, по его мнению, ничего общего не может иметь «с будущим Европейского союза», потому что «каждое национальное общество должно находить к ней свой подход» [13, там же]. Впрочем, сомнения в позитивных смыслах интеграции Хабермас связывал с отрицанием возможности «транснационального расширения гражданской солидарности по «диагонали» через Европу» [13, С. 76].

Наверно, рассуждать о межкультурной интеграции лишь как о возможности географического перемещения одной культуры на территорию другой, бессмысленно. Понятно, что в теоретическом и методологическом плане процесс глобальной интеграции имеет несколько иные ориентиры, чем те, о которых рассуждает Хабермас. Интеграция – это не просто передача, тем более гуманитарная, культурного опыта, прежде всего, это процесс объединения, сотрудничества, взаимного приспособления к новым международным условиям социокультурной, политико-правовой и экономической жизни стран и народов. Интеграционный процесс – это форма интернационализации производственно-хозяйственной деятельности и социокультурной жизни народов и стран. И если говорить о

настоящем времени, то, как показывает опыт, процесс глобальной интеграции имеет в большей степени негативный смысл, чем позитивное значение. Обозревая панораму современной мировой жизни, аналитики теории глобализации задают вопрос: возможны ли вообще межкультурная интеграция и диалог культур? Не похож ли современный процесс интеграции одной культуры в другую на подмену этой культуры другой? И, как показывает исторический опыт, полной интеграции вообще не существует. Тема кризиса глобальной интеграции заслуживает пристального внимания в том числе потому, что современная реальность, ее политическая составляющая, провоцирует иные, отличные от универсальных, ценности межкультурной коммуникации. На повестку дня выходят сегодня не проблемы сотрудничества, а, напротив, проблемы религиозной и культурной нетерпимости.

Параллельно с этим открытыми для дискуссий остаются вопросы и о значении современного государства, о его роли на современном мировом пространстве, а также вопросы о чрезмерной политизации всех сфер социальной жизни. Главным результатом глобализации стало ослабление государственного суверенитета и уже сложившихся форм социальной защиты. До некоторого времени вполне устойчивым было представление о том, что государство как политическое образование представляет собой самый надежный институт по организации и сохранению правопорядка, и системой социальной защиты граждан. В настоящее время именно этот институт переживает серьезный кризис. Сегодня речь идет уже о том, сохранит ли государство свою территориальную целостность, т.е. свои границы, а, проще, свою реальность, а значит и свою идентичность. Будет ли существовать государство как субъект истории. Потому что очевидно, что многие государства сегодня утрачивают свою легитимность и демонстрируют неспособность исполнять взятые на себя социальные обязательства по поддержанию как правопорядка, так и защите от внешних угроз, а также обеспечению населения «социальными благами». Некоторые современные государства уже не могут контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную, культурную жизнь собственного народа в той степени, в какой это осуществлялось до сих пор. Именно такое положение рассматривается в качестве одной из причин трансформации современного мира. Понятно, что процесс трансформации присутствует в истории, но важно то, что для разных стран и народов он имеет неодинаковые последствия.

О расцвете и упадке государства рассуждал в конце XX века израильский историк и военный теоретик М. ван Кревельд, утверждая, в частности, о том, что многие существующие государства – от Западной Европы до Африки – «вольно или невольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются». Но важно здесь даже не это, а то, что «многие их функции перехватываются различными организациями, которыми, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами» [5, С.9]. В принципе, такая оценка вполне соответствует содержанию глобализации, но следует заметить, что она не раскрывает до конца проблем, связанных с самим процессом, как и, бесспорно, то, что глобализация сопровождается неким деструктивным разрушением национальной государственности. На самом деле, это лишь частный аспект серьезного процесса смены социально-политических парадигм.

Конечно, не учитывать сегодня факта доминирования «глобальной экономики» в международных отношениях и связях невозможно, однако в практической плоскости в контексте разнообразия цивилизаций более актуальной становится не тема глобального экономического роста, или тема глобальной модернизации локальных культур, а тема суверенитета и защиты национальных форм и смыслов существования. На это повлияло то, что каждый из типов цивилизационного развития характеризуется особенностями соответствующего ему типу культуры, которые выражены системой фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, которые могут модифицироваться и варьироваться в различных видах национальных культур и обществ, сохраняя, тем не менее, ряд общих признаков в качестве глубинного инварианта. Система ценностей и мировоззренческих ориентиров составляют своего рода «культурную матрицу», нечто вроде

гена культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Соответственно, проблема адаптации традиционных обществ к современной модели глобальной модернизации, может и должна происходить только через призму национальных интересов, составляющих культурное целое нации.

Общая проблема соотношения универсального и национального соответствует проблеме взаимоотношения национальной культуры, или культуры народа, с общечеловеческой культурой. Во взаимоотношениях национальной культуры с общечеловеческой, как считал, например, русский философ Н.А. Бердяев, «универсально-общечеловеческое находится в индивидуально-национальном», и «делается значительным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» [1, С. 100]. Согласно этому принципу, такие фразеологические утверждения как: «германская идеалистическая философия именно германская», а «Достоевский и Л. Толстой только русские», «Сеид Имадеддин (Насими) азербайджанский поэт» выражают по своему значению не только индивидуальное, но и универсально-общечеловеческое.

Проблема соотношения культурно-исторического и социального раскрывается в национальном самосознании и, по сути, становится проблемой происхождения и становления исторического и культурного моментов, как в традиционном, так и в инновационном, а точнее, в современном цивилизационном подходе к восприятию, а также и воспроизводству национального и традиционно-культурного моментов как в общественных, так и в международных отношениях. Вполне очевидно, что мотивированная потребность в качественном преобразовании и совершенствовании всех видов социально-политических отношений в обществе является для человека как разумного и социального существа естественным стремлением. Однако четкое представление о самой природе способности осознания людьми своих интересов, представлений, переживаний, т.е. их самосознания, является важным фактором как для их социокультурного самоопределения, так и для социально-экономического ориентира.

Развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах и возможностях глобального и национального развития нацелены, прежде всего, на возможность осмысления такой насущной проблемы как роль глобализации в развитии национальных государств. Рассматривая методологически значимые проблемы, связанные с воздействием глобализации на национальные государства и, соответственно, правовые системы, очевидно, что главной особенностью современного этапа является – опережающее развитие ее функциональной стороны, по сравнению с ее институциональной стороной. Некоторыми исследователями отмечается, в частности, то, что чрезмерная активизация функциональной стороны глобализации без развития ее институциональной стороны – в конечном итоге может привести не только к распаду всякой устойчивой социальности, формирующей и поддерживающей системообразующие формы существования государственности, но может спровоцировать и т.н. вселенский «хаос». Определенные трудности возникают и с созданием «глобальных институтов или политических систем», которые, по сути, являются наднациональными и практически надправовыми в общем понятии правовой системы как таковой и, которые обслуживают интересы отдельных стран и олигархических групп.

Понятно, что социально-исторические условия для формирования наднациональных систем регулирования создала именно глобализация. И, что новая политико-правовая реальность серьезно повлияла на классическую теорию государства и права. Сегодня понятие «централизованное государство» не имеет уже того значения, которое оно имело для теоретиков политических идей и проектов, например, XVIII или XIX столетий. В новой государственной и правовой реальности все больше политической власти в ряде государств передается в руки децентрализованных региональных институтов. А на международном уровне в последнее время возникло множество международных институтов, наделенных властью принимать собственные решения. В числе таких институтов можно назвать Европейский Союз, который взял на себя часть правовой компетенции государств – участников Союза. Изменение политической и правовой реальности такого рода заставляет

преобладающую сегодня теорию государства не столько адаптироваться к новым условиям, сколько в результате таких перемен формировать более гибкое отношение к представлениям о правовом плюрализме.

Сегодня возникает необходимость сформулировать более широкое, сориентированное не только на государство – понятие права. И речь, в данном случае, должна идти не только о международном праве, но и о социальном характере и значимости негосударственного права, которое должно соответствовать современной практике социальной жизни и для современного человека. Следует отметить, что в сфере политики позитивным моментом глобализации, свидетельствующим в пользу институциональной стороны межгосударственных отношений, пока что остается международная Организация Объединенных Наций (ООН) с ее специализированными учреждениями [4, С. 47]. В целом, современная политическая карта мира характеризуется формированием наднациональных систем регулирования, которые практически навязывают целым странам политику во вред их собственным интересам [12, С. 46]. Именно поэтому сегодня становится все сложнее выстраивать межгосударственные отношения на принципах международного права.

В этой связи необходимо, анализируя социально-историческую реальность, или, создавая социальные проекты, более четко понимать, в чем суть модернизационных процессов, связанных с изменениями цивилизаций и систем из жизнеобеспечения. Важно также определить, в чем смысл понятия «современное» и как оно соотносится с понятием «традиционное», которому должны соответствовать все характеристики предполагаемых перемен, включая глубинные экономические, социальные, политические и культурные перемены. Важно также иметь в виду, что в контексте неравномерности развития, сосуществования так называемых передовых, развитых и отставших стран, феномен современного понятия «догоняющее развитие» может быть представлен в качестве константы исторических процессов. Теоретически феномен «догоняющее развитие» можно рассматривать и как обычный процесс внутри отдельных стран, когда какая-либо среда жизни общества стремится достичь уровня более развитых сфер, т.е. соответствовать смыслам и принципам общецивилизационного развития. Догоняющее развитие может сменяться обгоняющим развитием, которые, на самом деле, являются весьма важными аспектами внутренней государственной политики модернизации.

С другой стороны, развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах и возможностях глобального и национального развития должны учитывать и то, что современная реальность представляет собой не только тип техногенной цивилизации, влияющий на развитие конкретных цивилизаций, но еще и то, что современная реальность – это эпоха «геополитического освоения пространства», базовыми принципами которого являются «не столько вариативные факторы, меняющиеся вместе с прогрессом, сколько некоторые «инварианты», связанные со статусом государства в географическом измерении» [9, С. 366]. Необходимо учитывать и то, что «время геополитики является межформационным», и представляет «существенно иной тип времени, нежели время его экономического, технологического, информационного освоения» [9, там же]. В этом контексте независимость государств и народов (коллективных субъектов) «от географического пространства может возрасти в перспективе прогресса, но она никогда не станет полной: география – это такой тип наследственности, который можно облагородить, но нельзя полностью изменить» [9, там же]. Ориентируясь на перспективу развития такого сценария, необходимо учитывать то, что «время геополитики» представляет собой «существенно иной тип времени, нежели время его экономического, технологического, информационного освоения» [9, там же].

Идеологи теории глобализации при создании своих проектов не только не учитывали «геополитического освоения государств», но и того, что в принципе: «никакой цивилизации (и как типа социального развития, и как особого вида общества) не бывает вне культуры, как не бывает тела живого организма без свойственной этому организму генетической информации. Поэтому противопоставление цивилизации и культуры может иметь смысл

лишь в очень ограниченных контекстах, когда, например, обращают внимание на процессы духовного кризиса и увлечения материально-технической стороной социальной жизни» [11, С. 4-5]. К тому же «сами эти кризисы часто предстают не просто как разрушение культуры, а как начало ее преобразований, поиска новой системы культурных ценностей и новых путей цивилизационного развития» [11, там же].

Современные теории общества конституируют себя одновременно как анализ настоящего – ставят вопросы о современных условиях деятельности, эволюционных или революционных возможностях и самоинтерпретациях, а также о видении будущего членами этого общества, которые выражаются ими в коммуникативных отношениях. Социальные теории, воссоздающие картину мира, – не являются только научными конструктами, одновременно они выражают фактические проблемы осознания человеком как самого общества, так и всех смыслоформирующих его структур.

В данной перспективе бессмысленно игнорировать то, что современные процессы, связанные с созданием т.н. «нового миропорядка», активно формируют новые формы межгосударственных, социально-политических, экономических и культурных отношений. В условиях современной модернизации государственных и общественных отношений особое значение приобретает осмысление возможностей и границ реализации уже существующих универсальных смыслов и принципов организации как самих этих отношений, так и адаптации их к современным процессам.

Сегодня вполне очевидным является и то, что в современном мире активно действуют силы, готовые перечеркнуть социокультурный опыт стран и народов, готовые взять на вооружение теорию «конфликта цивилизаций», ориентируясь на стратегию дестабилизации, имеющей глобальное значение. В данной перспективе бессмысленно игнорировать то, что современные процессы, связанные с созданием т.н. «нового миропорядка», активно формируют новые формы межгосударственных, социально-политических, экономических и культурных отношений. В условиях современной модернизации государственных и общественных отношений особое значение приобретает осмысление возможностей и границ реализации уже существующих универсальных смыслов и принципов организации как самих этих отношений, так и адаптации их к современным процессам.

II

Параллельно с перечисленными выше проблемами – основной тенденцией нашего времени является трансформация традиционного общества в цифровое, инфраструктура которого функционирует посредством информационно-коммуникативных технологий. Базовой формой организации и социального взаимодействия цифрового общества являются сетевые структуры и платформы. На этом основании, собственно, и возникла идея построения «государства как платформы», глубоко интегрированного в единую цифровую систему управления, а также в повседневную жизнь граждан и организаций. Человек данного типа общества из субъекта общественных отношений может превратиться в объект жесткого управления.

Идея субъекта, на самом деле, является порождением эпохи модерна, до нее в социальных теориях доминировало противопоставление познающего субъекта и познаваемой реальности. Теория познания, основанная на такой концепции, преимущественно была озабочена «вопросом об адекватном отражении реальности в сознании», которое не выглядело столь безупречным, поскольку «исходный дуализм не позволял понять, как вообще возможна связь между мыслящим и познающим субъектом и подлежащей познанию материальной природой» [2, С. 8]. В эпистемологии последних десятилетий наблюдается стремление избавиться от картезианского дуализма, и это стремление реализуется в попытках представить познание как коммуникативную деятельность. Этому пересмотру во многом способствовало включение в поле внимания философии двух взаимосвязанных сфер: языка и коммуникации.

В повседневной жизни человек реально пользуется систематизированными образами, которые приобретают смысл и значение не столько сами по себе, сколько для повседневной

жизни самого человека. Язык, которым пользуется человек в повседневной жизни, объективирован, или, точнее, конституирован определенным порядком объектов, составляющих, по сути, социальную реальность. В данном случае язык как бы устанавливает определенный порядок, который человек принимает как неперемное условие. Конечно, реальность повседневной жизни не исчерпывается этим порядком, потому что представляет собой интерсубъективный мир, который человек разделяет с другими людьми, существуя в постоянном взаимодействии и общении с ними.

В контексте общественно-практической деятельности человека как социального субъекта, создается определенный сегмент развития социума, который определяет и спектр возможных сценариев, посредством которых в будущем можно наблюдать развитие современного общества. В рамках социальных трансформаций раскрывается, по сути, значимость осуществляемого социальным субъектом выбора альтернативного развития социальных процессов. Это, в свою очередь, позволяет сделать выводы о том, что идея превращения человека из социального субъекта общественных отношений в объект жесткого управления, не является легко реализуемой целью, вследствие того, в философии модерна концепция субъекта имеет не только эпистемологическое, но и этическое измерение. Человек как социальный субъект представлен здесь как источник морального действия, способный взять на себя ответственность за свои поступки. Он поступает ответственно и рационально, а также обладает свободой выбора, которая находится в известной корреляции с эпистемологическим дуализмом.

Сегодня наряду с концепцией социального субъекта рассматриваются два способа описания социума: как бессубъектной среды, рождающей коммуникативные события, и как сообщества субъектов, способных к совершению коммуникативного действия. Противопоставление такого рода связано с двумя стратегиями следования правилу: первая стратегия строго связана с системой институтов и техник коммуникации, распространенных в социальной среде; другая – основана на рефлексии, и подразумевает альтернативные правила коммуникации и ответственный выбор со стороны субъекта. Деятельность такого субъекта существенным образом связана с рациональностью, поскольку включает обоснование выбора. В качестве же принципа обоснования рассматривается требование универсальности правила. В данном случае требование представляет собой коммуникативный аналог категорического императива.

В современных социальных теориях на самом деле современное общество рассматривается как общество риска. И хотя в современной литературе отсутствует единое понимание риска, тема риска стала сегодня господствующей темой общественных дискуссий. С универсализацией осознания риска, который часто отождествляется с опасностью, в обществе становится также релевантной и тема – безопасности. Риск в этом случае дополняет понятие безопасности. Очевидно, что все это связано со структурными изменениями в самом обществе. За последние десятилетия тема рисков и последствий, вызванных техническим развитием, стала одной из основных в системе общественной коммуникации. Этот факт можно рассматривать как индикатор отношений современного индустриального общества к продуктам научно-технического прогресса и связанными с ним опасностями.

Таким образом, современные дискуссии о том, что меняется «картина мира», или создается «новый порядок», формируют осознание того, что проблема глобального кризиса связана с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Парадоксы современности поставили человека в условия выбора между должным и сущим, а, по сути, между тем «что есть» и тем «что должно быть». Практически между философским осознанием того, что же на самом деле для человека есть «добро», а что есть «зло». Поэтому на вопрос: что должен делать и на что может надеяться человек в цифровом обществе? – хочется ответить: научиться жить, просто жить. Человек, создавший современный мир технологий, – который по всем своим критериям соответствует его интересам, должен

осознавать, что именно этот мир способен не только вытеснить самого человека из орбиты естественного его существования, но и стереть сущность человека как компьютерную программу.

Современная полемика вокруг социальных программ, их экономических и социальных последствий занимает одно из центральных мест в идейно-политической борьбе различных общественных сил. Насколько эта борьба способна консолидировать интересы во благо общественного развития предстоит решать современной политической прогностике, потому что в ходе такого рода полемики актуальными становятся «два круга вопросов: первый, кому и насколько необходимы эти программы, какой их общественный смысл в целом; второй – каковы конкретные способы их развития и обеспечения?» [10, С. 62-63]. По этому поводу высказываются «радикальные сомнения» о том, что т.н. социальные программы могут насаждать массовое социальное иждивенчество, своего рода «контркультуру пособий», подрывающую культуру и этику труда», а также по поводу того, что «политика социального вспомоществования» может порождать «особую, искусственную социальную среду, условный мир, защищенный от действия механизмов естественного отбора, иначе говоря, мир-фантом, противостоящий законам и требованиям экономической реальности» [10, там же].

Одна из обсуждаемых тем сегодня – социально-политические и нормативные трансформации современного мира. Процесс трансформации в истории как процесс общественно-политических перемен для разных стран и народов имеет неодинаковые последствия: если для одних – этот процесс может открыть новые перспективы и возможности, то для других – создать условия не только для стагнации, но даже и деградации. Конечно, влияние это в каждом обществе происходит в соответствии с возможностями самих традиционных обществ: одни поглощаются этой цивилизацией, другие, становятся на путь модернизации.

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990.
2. Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. – 248 с.
3. Зарубина Н.Н. Социологические проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация в условиях Глобализации. – М.: 2010.
4. Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобализация политики и эволюция политических систем: Глобальные социальные и политические проблемы в мире. — М., 1997.
5. М. ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
6. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2.
7. Мнацаканян М.О. Глобальный мир и глобалистское мировоззрение. М: Анкил, 2013. – 392 с.
8. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия развития нигилизма // А.С. Панарин. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. – 188 с.
9. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издат. «Русский мир», 2005. – 431 с.
10. Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике: (Критические очерки французского неоконсерватизма). М.: Мысль, 1989. – 220 с.
11. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.
12. Стешенко Л.А. Глобализация, национальные отношения и государственная политика России // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 16 апреля 2001 г. М., 2001.
13. Хабермас Ю. Ах, Европа! М.: «Весь мир», 2012 – 160 с.
14. Хьюбнер К. Нация от забвения к возрождению. М.: 2001.